

Арабский мир против коррупции

© Филоник А.О.^a, Батурина В.Н.^b, 2021

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

^b Московский информационно-технологический университет,
Москва, Россия,
vera-baturina@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию актуальной темы, которая в настоящее время приобретает особое значение для Арабского Востока. Регион не однороден, и каждая из составляющих его стран следует собственным обстоятельствам, которые окрашены национальной спецификой, но одновременно сталкивается и с проблемами общего плана. Одной из них является коррупция, которая глубоко внедрилась в жизнь арабских обществ и проявляет себя в разных видах и формах, но наносит одинаковый ущерб экономическому здоровью нации и политическому имиджу власти.

В статье анализируются некоторые положения, важные для понимания общего и особенного в развитии коррупционных тенденций, которые стремятся охватить все ниши экономики и производства, параллельно прокладывая путь к органам власти, бюджетным ресурсам, политическим институтам, бизнес-структурам. Объектами изучения также являются вопросы, относящиеся к организации противодействия коррупционным операциям со стороны мирового сообщества и арабских государств, оценены количественные и качественные показатели, которые позволяют судить об эффективности принимаемых мер. Также выявлены возможности и пределы общественного участия в процессах, связанных с минимизацией объема коррупционных «услуг» и ограничением сферы их обращения.

Изучение совокупности вопросов и проблем нелегитимной экономической активности в арабском мире приводит к пониманию того факта, что сужение коррупционного поля представляет собой серьезную трудность, как минимум, организационно-технического плана, и имеет перспективы только при обращении к цифровым технологиям мониторинга оборота финансовых средств.

Ключевые слова: Арабский Восток, коррупция, госсектор, бизнес, государство, общество, конвенция, институты

Для цитирования: Филоник А.О., Батурина В.Н. Арабский мир против коррупции. *Азия и Африка сегодня*. 2021 № 5. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750015021-5

The Arab World against corruption

© Alexander O. Filonik^a, Vera N. Baturina^b, 2021

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

^b Moscow Information Technology University, Moscow, Russia
vera-baturina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of an actual topic that is currently acquiring special significance for the Arab East. The region is not homogeneous, and each of its constituent countries follows its own circumstances, which are colored by national specifics, but at the same time it also faces general problems. One of them is corruption, which is deeply rooted in the life of the Arab societies and manifests itself in different forms and ways, but causes equal damage to the economic health of the nation and the political image of the government.

The objects of study are also issues related to the organization of counteraction to corruption operations by the world community and the Arab states, quantitative and qualitative indicators have also been assessed that make it possible to judge of the effectiveness of the measures taken. The situation relating to the state of legislative support for anti-corruption activities was investigated and the tools that the Arab countries propose to use against corruption practices were considered. Also, the possibilities and limits of public participation in the processes associated with minimizing the volume of corruption "services" and limiting the scope of their circulation were identified.

The study of the set of issues and problems of illegal economic activity in the Arab world leads to understanding of the fact that narrowing the field of corruption is a serious deal, at least at organizational and technical level, and has prospects only when being switched to digital technologies for monitoring the turnover of financial resources.

Keywords: Arab East, corruption, public sector, business, state, society, convention, institutes

For citation: Filonik A.O., Baturina V.N. The Arab World against corruption. *Aziya i Africa segodnya*. 2021 № 5. Pp. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750015021-5

ВВЕДЕНИЕ

Ситуация на Арабском Востоке хронически развивается как результат серьезных коллизий, которые служат проблемным фоном для социально-экономических и общественно-политических процессов, отягощая их течение множественными проблемами и трудностями. К числу таковых следует отнести и коррупцию как явление, которое прямо или косвенно оказывает самое отрицательное влияние не только на конкретные экономические показатели, но и на отношения в обществе.

Регион с давних пор знаком с разными проявлениями коррупционной деятельности, которая в последние два десятка лет накрыла его мощным валом, принесшим ей настолько большие «преференции», что они могут исчисляться в процентах к национальному продукту. А коррупция нашла благодатную почву в нишах дефицитных, развивающихся экономик арабского региона, превратившись для них в ряде случаев в стопор прогресса.

КОРРУПЦИОННЫЙ МОТИВ

По мере роста госсектора и возвышения госбюрократии, распределяющей материальные фонды и финансовые потоки, коррупционная волна в арабских обществах только нарастала. А сама эта форма преступного обогащения стала частью современного образа жизни при попустительстве государства, действия которого в антикоррупционной сфере нередко представляются, если не как абстрактная величина, то как формальная «отмазка» в целом ряде случаев. Коррупция же побуждает частный бизнес активно искать альтернативные пути доступа к ресурсам и услугам, трудно достижимым законным путем, что превратилось по многим позициям в устоявшуюся практику. И либеральные реформы, предпринятые частью арабских государств с целью задать новый импульс экономикам, едва ли можно считать достигшими поставленных целей, в т.ч. и в отношении коррупции.

Западные критики арабской действительности постоянно проводят мысль, что арабские нации десятилетиями страдают от прессинга властей, отсутствия гражданских свобод, господства системы государственного хозяйствования, и требуют изменить содержательную сторону развития, что подразумевает и противодействие коррупции. Под этим флагом коллективный Запад развернул вооруженную борьбу за демократию в ряде арабских стран, чем трагически нарушил естественный ход событий и отнюдь не положил конец коррупции, а лишь обострил ситуацию с нею.

Но и без этих вмешательств арабский мир только с начала века прошел через жесткие испытания, которые и поныне отзываются афтершоками. Мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., «арабская весна», война с Исламским государством и развивающийся по восходящей ковидный кризис наложили весьма ощутимый отпечаток на экономические реалии Арабского Востока. Дополнением к этим событиям стало развернувшееся «победное шествие» самых разнообразных форм противоправной деятельности в виде целых анклавов незаконного предпринимательства и новых экономических и неэкономических вызовов, которые, сплетаясь с другими негативными факторами, резко повышают уязвимость региона по многим параметрам сразу.

Применительно к арабскому миру неоднократно отмечалось, что разгосударствление крупных активов и подключение к приватизации большего круга экономических агентов станет благом для арабского общества. На практике же алчность приватизаторов наряду с нераспорядительностью власти в значительной мере содействовали усилению коррупционной составляющей развития. Этот же компонент способен существовать в любом хозяйственном укладе, независимо от его состоятельности и абсолютно игнорируя факт, что темпы роста по объективным или иным причинам оказывались ниже имеющихся в регионе возможностей. Они, в общем-то, позволяли наращивать ВВП, влиять на состояние человеческого потенциала, противостоять бедности, увеличивать покупательную способность населения. Но результативной работе мешали диспропорции в госрасходах, разбазаривание фондов, неверно расставленные приоритеты и элементарные просчеты властей, что только поощряло и усугубляло коррупцию [1].

КОРРУПЦИЯ В ГОССЕКТОРЕ И БИЗНЕСЕ

Более интенсивный этап накопления коррупционной активности связывается с переходом ряда стран региона к либеральным реформам. Они сопровождалась ростом безработицы, ухудшением условий жизни, что вынуждало население маневрировать, порицаемыми способами при неспособности государства попытаться сбить процесс социальной деградации.

Провоцирующие коррупционный рост факторы присущи, так или иначе, всем странам региона, но особенно - отличающимся пониженными темпами развития. Это следует из доклада *Transparency International* о рейтинге части арабских стран по уровню коррупции в государственном секторе среди 180 государств мира (данные на 2018 г.) (см. табл. 1).

Таблица 1. Место некоторых арабских стран
в мировом рейтинге о коррупции в государственном секторе
Table 1. Selected Arab countries in the world ranking of public sector corruption

Страна	Балл	Место	Страна	Балл	Место
Ю. Судан	12	179	Кувейт	40	85
Сирия	13	178	Марокко	41	80
Йемен	15	177	Бахрейн	42	77
Судан	16	173	Тунис	43	74
Ливия	18	168	Оман	52	56
Ирак	20	162	КСА	53	51
Ливан	28	137	Катар	62	30
Египет	35	106	ОАЭ	71	21
Алжир	35	106			

Примечание: максимальный уровень коррупции - 0, отсутствие коррупции - 100.

Составлено по: <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption> (accessed 12.12.2020)

Из общего перечня стран к наиболее успешным можно отнести расположенные в правом списке в соответствующем их статусу порядке. Но и среди них наблюдается четырехкратный разрыв, на полюсах которого находятся в принципе однородные страны с точки зрения качества ресурсного обеспечения и материального благополучия. Марокко и Тунис выглядят как бы инородными телами, но они, как представляется, вышли на более достойные места за счет, вероятно, более сильного и ответственного государства и более результативной системы управления экономикой и обществом.

В целом же, большинством стран клонится к более негативным показателям, заполняя места вплоть до 106-го с рекордными позициями для группы стран от Южного Судана до Алжира и Египта, которые могут рассматриваться как довольно приличные, хотя уровень коррупционных правонарушений в них остается несопоставимым с более продвинутыми соседями.

В менее благополучных обществах коррупционные механизмы по определению наиболее развиты, что отвращает от сотрудничества с ними солидных зарубежных партнеров и вынуждает их открывать рынки альтернативным поставщикам, но уже аутсайдерам. Такие случаи нередки и сказываются на качестве торгово-экономического общения с внешним миром для принимающих стран.

В табл. 2 помещены данные выборки из 12 арабских стран, которые включены в перечень 137 государств мира, размещенных в порядке убывания коррумпированности частного бизнеса (данные на 2018 г.).

Таблица 2. 12 арабских стран по порядку убывания коррумпированности частного сектора
Table 2. 12 Arab countries in descending order of corruption of the private sector

Страна	Балл	Место	Страна	Балл	Место
Йемен	2,3	134	Иордания	4,7	42
Ливан	2,8	121	КСА	5,3	31
Тунис	3,5	88	Оман	5,2	33
Марокко	3,7	78	Бахрейн	5,6	25
Кувейт	3,9	70	Катар	6,3	11
Египет	4,2	57	ОАЭ	6,4	8

Примечание: индекс изменяется в полосе от 0 до 7, максимальный показатель означает отсутствие взяток.

Составлено по: World Economic Forum. Ranking of countries by the prevalence of bribes in business. <https://nonews.co/directory/lists/countries/irregular-payments-bribes> (accessed 14.10.2020)

И в этом случае лучшие места сохраняются за странами в правой части списка, т.е. коррупция в сфере частного предпринимательства менее характерна для экономически более продвинутых государств.

Три нефтяных монархии - ОАЭ, Катар и Бахрейн - соотносимы с промышленно развитыми странами Запада. И это дает им возможность обеспечивать большую свободу для бизнеса, не побуждая его к противозаконным действиям. Попадание в эту зону Иордании, не обладающей ресурсами, можно объяснить большей озабоченностью династии благосостоянием королевства, относительно высокой культурой бизнеса и более продвинутым законодательством, которое не заставляет бизнес-сообщество прибегать к дополнительным маневрам, чтобы обойти регулирующие нормы и получить доступ к тендерам, заказам и т.п.

Если для большей наглядности условно разделить страны по срединному показателю (3,5), тогда только 3 страны попадают в категорию наименее успешных, с точки зрения взяточничества в частном секторе. Тунис при этом стоит на уровне срединных показателей. Кувейт превысил срединную планку, и его присутствие поблизости от граничной линии кажется нетипичным. Видимо, в стране есть противоречия в законах о предпринимательстве и сильная конкуренция внутри бизнеса.

В таких условиях успех обеспечивается привлечением административного ресурса со всеми вытекающими благоприятными последствиями для коррупции. Египет в своем классе добился определенного успеха, хотя стране пришлось для этого развить очень большие усилия, учитывая богатую палитру нарушений антикоррупционных законов со стороны весьма склонного к плутовству частного бизнеса и должностных лиц разных уровней.

Очевидно, что коррупционная обстановка на Арабском Востоке ощущается как напряженная, имеющая повышенный мультипликативный эффект. Динамику здесь можно проследить по данным профильных международных организаций, которые, на конец 2019 г., не регистрируют изменений к лучшему в регионе. Во всяком случае, если экстраполировать имеющиеся показатели, то они показывают, что 65% населения свидетельствуют о росте коррупции, только 12% видят ее снижение и 19% фиксируют ее стабилизацию. То есть, негативные оценки касаются более чем половины опрошенных. При этом 66% исходят из того, что государство недостаточно эффективно борется с коррупцией, 28% имели противоположное видение вопроса.

Относительно институциональной коррупции 44% участников опроса уверены, что большинство парламентариев и официальных лиц тем или иным образом связаны с коррупционной деятельностью. От 39% до 32% респондентов считают, что в нее вовлечены канцелярия президента и премьер-министра, представители крупного бизнеса, банкиры и органы власти на местах. 28-23% полагают, что ей подвержены полиция, неправительственные организации, судьи и религиозные деятели. Только за один год, по состоянию на приведенную выше дату, каждый пятый, прибегавший к помощи перечисленных структур, платил взятки, объем которых составил \$11 млн.

На практике из числа лиц, прибегавших к услугам инстанций более низкого уровня и имеющих большой охват населения, 22% реально платили полиции; по 16% - коммунальным служащим, сотрудникам паспортных столов, в судах; 14% - в государственных медицинских учреждениях и в школах - 10%¹.

В целом, приведенные результаты, видимо, можно считать достаточно показательными, поскольку обследование проводилось в шести разных по параметрам и характеристикам странах - Иордании, Ливане, Марокко, Палестине, Судане и Тунисе. Все они, с коррупционной точки зрения, в большей или меньшей степени проблемны по разным причинам. Совпадение результатов опросов свидетельствует, что общественное мнение уверено в присутствии коррупции и поражении ею фактически всей вертикали инстанций. Этот факт дает определенные основания распространять выявленные результаты и на другие части арабского мира, хотя такой прием допустим, в известной мере, условно.

Все-таки, экономические и иные различия между странами велики. Например, Ливан и Йемен, как было показано, относятся к числу государств региона, где коррупция в форме мздоимства, nepotизма, электорального подкупа, отчетности достигла наивысших величин. ОАЭ, в т.ч. и с этой точки зрения, являют полную противоположность им. Сравнивать такие разновеликие объекты некорректно, но их сопоставление отчетливо показывает ощутимый разрыв по глубине и распространенности коррупционной преступности. Отсюда можно сделать предварительный вывод, что эффективного оружия против коррупции, кроме наращивания экономического благополучия и налаживания контроля и отчетности в общества на базе современных технологий, скорее всего, не существует.

На фоне коррупционной зараженности арабского мира по институциональным параметрам единственным исключением остается отношение к армии. Данные по группе априори неравных по основным показателям развития стран в составе Алжира, Ирака, Палестины, Туниса, Марокко, Кувейта, Судана, Ливана, Египта и Йемена показывают, что более 49% опрошенных сходятся в том, что вооруженные силы в *огромной* степени заслуживают доверия. 26% в *значительной* степени доверяют военным, и 47% заявляют, что имеют *высокий* уровень доверия к ним. В Египте, например, группа очень доверяющих армии достигает 57%. При этом 48% имеющих высокое доверие одновременно считают, что коррупция, в целом, разрослась до чрезмерных величин [2].

Армия рассматривается как надежный щит и инструмент единства нации, как корпорация, освященная присягой и гарантированная пороков. В то же время она практически закрыта об общества. Но многие понимают, что в офицерском корпусе есть немало выходцев из богатых семей и кланов, занятых в бизнесе. И в коррумпированной экономике не все они могут оставаться незапятнанными.

¹ Global Corruption Barometer. What people think: corruption in the Middle East and North Africa (accessed 11.12.2019)

По сути, верховые и низовые виды коррупции и выстроенные ею институты незаконного обогащения «окопались» практически во всех нишах экономического пространства арабских стран. Подточить их будет сложно без консолидации межарабских усилий и внеэкономического принуждения. Мысль о необходимости фронтальных действий на этих направлениях, так или иначе, проникает в сознание арабских правительств, которые начинают примеряться к более активным действиям против опасного социального явления.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ВСПЛЕСК

До принятия в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции (*UNCAC*) организованное противодействие этому преступлению не рассматривалось как важное направление деятельности государства. В какой-то мере косвенно к теме была причастна Лига арабских стран, более четко был обозначен Африканский Союз, который включает не более трети арабских государств. По крайней мере, до 2006 г. Ближний Восток в этом отношении опирался на инициативу «Добросовестного управления в целях развития», которая ориентировалась на поддержку реформ и модернизацию хозяйства [3²] и, скорее всего, не уделяла особого внимания непрофильным вопросам.

Конвенция ООН вступила в силу в декабре 2005 г. как глобальный документ вместе с Конвенцией ОЭСР, предназначенной для мобилизации усилий против коррупционного разгула. И как естественное продолжение взаимодействия с мировым сообществом, на начало 2020 г. 19 арабских стран ратифицировали эту Конвенцию. В конце 2010 г. в регионе была принята собственная Арабская конвенция борьбы с коррупцией и за честность (*ACIAC*), устроенная на принципах Корана и признании всех региональных и международных документов, имеющих отношение к коррупции и другим преступлениям этого спектра [4].

В целом, Арабская конвенция может стать перспективным средством мобилизации арабских усилий в борьбе с противоправными действиями в экономике региона и отдельных государств. Показательными можно считать действия Саудовской Аравии, которая служит ориентиром для арабского мира не только в вопросах религии. Королевство не ратифицировало арабский документ, но заявило о готовности активизировать свою роль в борьбе с коррупцией, установив многостороннее сотрудничество с Конвенцией ООН, Арабским соглашением, с ССАГПЗ и *G20*. Логическим следствием расширения контактов должен стать переход саудовского руководства в активную фазу борьбы с коррупцией не только внутри страны, но и сообщить дополнительный импульс движению за новые стандарты прозрачности и отчетности в арабском мире.

За четыре года (2016-2020) страна поднялась сразу на 10 пунктов в Индексе восприятия коррупции. Для других - это привлекательный показатель, к достижению которого следует тянуться, несмотря на разные весовые категории последователей³.

Арабская конвенция ставит задачу привлечения самых разных сил и организаций внутри региона к контролю за финансовыми и иными учреждениями и институтами. Однако их роль на этом поприще едва ли может считаться достаточной, особенно в условиях, которые создаются «повальной» коррупцией⁴. Очевидно, сказываются последствия политической турбулентности, традиции не афишировать работу властных органов, полузакрытый мир коммерческих организаций, общая настороженность в обществе в отношении к государству, что ослабляет гласность и прозрачность. Но все же в регионе чаще возникают публичные дискуссии вокруг коррупционной тематики.

Очевидно, это можно соотнести с ростом общественных, вернее, профессиональных структур, внешне не связанных с борьбой с коррупцией. Но они создают гражданский фон, который можно воспринимать и как свидетельство некоей внутренней готовности части общества к объединению против коррупции.

На 2019 г. по 11 странам региона действовал ряд таких обществ: более 200 в Египте и от одной тысячи в Тунисе. К ним отнесены и институты, которые идентифицируют себя именно как неправительственные организации и гражданские общества. Список, правда, исчерпывается явно преувеличенными данными, и только по Иракскому Курдистану (якобы более 4 тыс. НПО) и по ОАЭ, где их 21⁵. Но одних этих цифр недостаточно (на что указывают сами источники), чтобы понять, насколько они нацелены на борьбу именно с взяточничеством и иными преступлениями этого ряда.

За четверть века на Арабском Востоке появились всего 3 организации регионального масштаба с задачами общего социально-экономического и политического плана. Среди них старейшая, возникшая в

² Отмечали Джордж Брандолино и Дэвид Луна - руководители программ по борьбе с коррупцией, проводимых госдепартаментом США (*прим. авт.*).

³ Corruption Perception Index. <https://transparency.org/en/cpi/2016/index/nzl>; Corruption Perception Index. <https://transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 15.03.2021)

⁴ <https://pogar.org/governance/anticorruption.html> (accessed 15.10.2020)

⁵ <https://arab.org/directory/statistics/> (accessed 04.11.2020)

1997 г., *Arab Countries - Arab NGO Network for Development*. Она охватывает 10 арабских государств и призвана повышать роль гражданского общества, демократических ценностей, гражданских свобод, устойчивого развития.

«*Arab Countries...*» - независимый некоммерческий гражданский институт, который продвигает идеи прозрачности и концепцию *good governance* в арабском мире и сосредоточен на распространении знаний о последствиях коррупции. Еще одна, возникшая в 2004 г., *Arab Countries - Arab Region Parliamentarians Against Corruption* является некоммерческой организацией, которая объединяет парламентариев и активистов из 9 арабских стран и формирует в их среде корректное понимание коррупции, прозрачности, добропорядочности и честности⁶.

Указанные организации ориентированы на создание своего рода общественно-политического противовеса неформальным отношениям, которые создают нездоровую конкуренцию государственным и частным предприятиям, дезорганизуют потоки ресурсов и финансовых средств, вносят сумбуз в распределение установленных квот и преференций, манипулируют дефицитными благами, что особенно заметно в переходных странах.

Тем не менее, арабское сообщество довольно медлительно в расширении круга антикоррупционных мер. Пока заметен крен в сторону привлечения общественного противодействия - тенденции, которая и далее может расширяться за счет создания организаций подобной направленности. Однако меры только гуманитарно-просветительского воздействия явно окажутся несостоятельными. Особенно, если не смогут преодолеть формализм и кампанейский образ действий, опираясь только на свои внутренние силы и возможности. Тем более что административный ресурс в арабском мире отнюдь не истощил своих сил и вполне способен нейтрализовывать не устраивающие его демарши активистов.

Возможно, со временем и по мере роста политической сознательности общества будут найдены и более практические способы давления на коррумпированные группировки. Но не следует игнорировать тот факт, что в условиях турбулентной обстановки едва ли можно ожидать реализации серьезных проектов такого плана. Тем не менее, можно думать, что в ходе перемен, которые копятся в арабском мире, инерция мышления и общественная апатия будут в той или иной форме преодолеваются, и ситуация все же сдвинется с места.

БУМАЖНЫЙ ВАЛ ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

На это указывают некоторые признаки. Регулярно нарабатывается большое количество международных документов, которые морально подвигают общественные организации на более ощутимые действия против коррупции. В свою очередь, уже само государство в лице правительств или органов надзора начинает действовать и строить национальную документальную базу.

Как минимум, 10 арабских государств имеют по одной и более стратегий, программ, планов действий, в которых сформулированы задачи чисто антикоррупционной направленности. Следует отметить, что Египет, Ливан и еще несколько государств реализовывали последовательно по две программы, Иордания - четыре, другие, как Ирак или Палестина, - по одной на протяжении текущего десятилетия [5].

Помимо этого, в Тунисе (со сроком окончания в конце 2020 г.) осуществлялась программа внедрения в государственную практику принципов *good governance*, которые должны служить и как средство преодоления коррупционной экспансии. В Саудовской Аравии эту функцию выполняет бессрочный план продвижения в социуме кодекса порядочности и честности. Но только в Марокко в 1958 г. и 1965 г., в Тунисе в 1983 г. и в Египте в 1998 г., т.е. в более отдаленные времена, были приняты законы, которые прямо или косвенно посвящены коррупции. Они устанавливали рамки деятельности государственных агентов, локальных групп и публичных институтов, вводили ответственность за незаконное обогащение и отмывание денег, кодифицировали категории честности и порядочности⁷.

В течение двух последних десятилетий в 19 странах арабского мира, т.е. в подавляющем большинстве, были приняты десятки законов, а на практике - гораздо больше, если считать подзаконные акты, которые регламентировали сферы деятельности, где могли сложиться источники коррупции. Наибольшее число законов, декретов и постановлений было принято в Ливане (11), Марокко (8), в Египте и Ираке (по 7), в Тунисе и Иордании (по 6), в Алжире (5), в остальных - от одного до трех⁸.

Приведенные цифры представляют интерес с той точки зрения, что в ряде ситуаций показывают наличие определенной корреляции между количеством законодательных актов и положением стран в индексе восприятия коррупции, за исключением Ливана.

⁶ Regional Non Arab - European Anti-Fraud Office. Regional Project on Anti-Corruption and Integrity in the Arab Countries (ACIAC) Anti-Corruption: Stakeholders. https://www.pogar.org/resources/ac/stakeholders_sh_3.html (accessed 18.03.2021)

⁷ <https://www.undp-aciac.org/resources/ac/legal.aspx?!c=1> (accessed 15.10.2020)

⁸ Ibidem.

Если сравнить сходные данные относительно нарушений в госсекторе в части стран со сбоями в развитии (см. табл. 1), то наличие законов и инструкций не обязательно пропорционально способности этих государств выйти на лучшие результаты.

Если Йемен, Судан и Ирак находятся в индексе стран низшей категории при наличии, соответственно, 3, 1 и 7 законов о коррупции, то Ливан непосредственно примыкает к ним с 11 законами, а Египет и Алжир на 5-м или 6-м месте от конца списка (тоже не очень выигрышные) используют в своей практике 7 и 5 законов, соответственно. То есть, по этой категории стран наблюдается большой разброс по данным, но также сохраняется отсутствие прямой зависимости между количеством законов и успехами в обуздании коррупционных проявлений или хотя бы их минимизации.

«БЕСПРИЗОРНАЯ» КОРРУПЦИЯ

Приведенные данные, так или иначе, отражают усилия арабских стран в попытках снизить напор коррупции, которая если и не достигла к настоящему моменту апогея, то, во всяком случае, неуклонно растет.

Превратившись в многоплановое явление, коррупция уже автоматически расселяется в институтах, секторах и отраслях экономики, где для этого есть хотя бы минимальные возможности. Причастные к ней формальные и неформальные группы должностных лиц, бизнес-сообществ, сетевых дельцов и др. пришли к созданию целых криминальных платформ и коридоров. Через них аккумулируются властные полномочия, подключается протекционное регулирование, обеспечиваются иные механизмы, которые позволяют при любых обстоятельствах получать доступ к незаконной ренте, а средства околоторночного маневрирования использовать как инструмент продвижения экономических и финансовых махинаций. Весь этот конгломерат реально конкурирует на арабском экономическом пространстве, прямо подтачивает эффективность институтов, выводит из продуктивного оборота гигантские материальные и финансовые ресурсы.

Создание антикоррупционного климата и нетерпимости финансовых преступлений и в арабском мире создало соответствующий вектор, вокруг которого концентрируются стейкхолдеры, подобно тому, как это происходит на экологическом, «зеленом», водном направлениях. Но не все страны региона расположены к активному участию в процессе. Пока упомянутая выше «Арабская конвенция борьбы с коррупцией и за честность» (ACIAC) смогла инициировать проект продвижения неправительственных организаций с задачей снизить коррупционные риски в социальной сфере лишь в Ираке, Ливии, Египте, Марокко и Тунисе. Но даже к маю 2020 г. не получил подтверждения факт создания еще к 2017 г. по 40 и 60 обществ в двух первых и трех других странах, соответственно⁹.

Запуск такого количества новых организаций гражданской ориентации мог бы послужить подспорьем в попытках проредить армию коррупционеров. Однако при всем желании мотивировать население призывами помочь снизить коррупционную нагрузку на экономику, ослабить монопольную власть чиновников и в перспективе получить полноценный результат, очевидно, не представляется возможным. Видимо, идея движения переоценена, как и готовность местного общества откликнуться на идущие извне призывы выступить против идеологии мздоимства. Тем более, что неформальные отношения и связи могут восприниматься населением как родовое явление, разрушение которого может осложнить заведенный порядок вещей и иметь непредвиденные последствия.

Ограниченные результаты общественного участия в продвигаемых инициативах дают пример того, что в арабских условиях возможности вовлечения масс в кампанию против коррупции будут скромнее, где чем где бы то ни было. К тому же в народном сознании сохраняется память о том, что государство является первейшим угнетателем и эксплуататором. И те, кто могут, не обнаруживая себя и за счет обмана государства, увеличивать собственное состояние любым путем, не вызывают особого порицания в народной толще.

Этот въевшийся в сознание стереотип заметно влияет на арабское понимание действительности. Нельзя сказать, что он не подвергается размыванию. Тем более сейчас, когда при ухудшающейся обстановке в большом сегменте стран, даже богатых, под воздействием сжимающейся экономики и «застрявшей» пандемии, надежды на выживание в растущей степени связываются именно с государством.

Как минимум, наиболее слабая часть арабского мира, а она значительна, попала в своего рода тиски. С одной стороны, растут угрозы в области энергетики, продовольствия, медицины, образования, безработицы и во множестве других секторов, где положение осложняется дефицитными бюджетами и инфляционными финансами. С другой - усиливается коррупция, и на фоне поднятой мировой волны она уже не вы-

⁹ См.: <https://baselgovernance.org/b20-collective-action-hub/initiatives-database/anti-corruption-and-integrity-arab-countries-phase> (accessed 17.11.2020); <https://baselgovernance.org/b20-collective-action-hub/initiatives-database/anti-corruption-and-integrity-arab-countries-aciac> (accessed 15.10.2020)

глядит такой «неподъемной» проблемой, с присутствием которой следует мириться. Сложившаяся ситуация провоцирует недовольство населения и несет в себе существенный протестный заряд. Но без активной подпитки он не будет адресно реализован и при случае может вылиться только в локальные беспорядки.

В общей же практике международных организаций преобладает не ситуативный, а декларативный подход, во многом формальный. В частности, *UNDP's Programme on Governance in the Arab Region (POGAR)* поддерживает достижение «ряда ключевых результатов антикоррупционного взаимодействия в регионе, позволяющих нарастить масштабы антикоррупционного сотрудничества и добиваться новых возможностей для дальнейших шагов в реализации достижений в рамках антикоррупционной агенды... Программа на основе этих достижений и в контексте своего нового антикоррупционного проекта выстраивает намерение содействовать усилиям арабских стран в продвижении концепций прозрачности, честности и идей Конвенции ООН (*UNCAC*), с намерением совершенствовать практику *good governance* и обеспечивать человеческое развитие и безопасность в регионе» [6].

По сути, это заявление, как и другие, выражает самые общие намерения и ставит универсальные задачи. Выбор конкретных путей и инструментов отдается на усмотрение национальных институтов сообразно с духом международных и региональных документов, от которых не требуется расставлять обязующие акценты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальная картина коррупции на Арабском Востоке мозаична и многослойна и не может преодолеться по одинаковым рецептам. Фоном ей служит нынешняя несобранность арабского мира и сохраняющиеся вызовы фундаментальным основам его существования. Противоречия текущего момента, множественность кризисов, спектр накопленных острых проблем, включая пандемию, в большинстве, если не во всех, арабских странах переключают их внимание на самые насущные вопросы бытия. Эти обстоятельства, наряду со свойственной власти инертностью, мешают выделить коррупцию из общего сонма проблем. Под давлением жизненно важных императивов и субъективных действий она заметно удерживается на периферии национальных интересов и продолжает подтачивать устои арабских наций, сдерживая их рост.

Тем не менее, Арабский Восток фигурирует на сцене борьбы с коррупцией, представляя в разных проектах и участвуя во многих мероприятиях и инициативах и таким образом находится в общем русле неприятия коррупции. Но относительно сути дела он и здесь движется в догоняющем режиме. И, хотя это тоже развитие, все же темпы следования призывам противодействовать коррупции пока значительно уступают темпам поступления рекомендаций и методических указаний от разного рода организаций, консалтинговых структур, документов конференций, семинаров и иных источников.

Довольно сдержанный отклик арабской стороны предполагает, минимум, две трактовки, обе допускающие развитие явления естественным путем до накопления критической массы. Одна может рассматриваться как подготовка к сосредоточению сил вообще для более энергичных в последующем действий против коррупции. Другая - как намерение выжидать сколь угодно долго более подходящих моментов для масштабных операций на коррупционном поле.

Третий вариант до некоторой степени отражает совпадение двух предшествующих. С той оговоркой, что в фокусе его под влиянием внутренних факторов внимание переключается на дела близко стоящих к власти коррупционеров или дельцов, на которые по политическим или экономическим соображениям нельзя не реагировать, как это недавно имело место в Саудовской Аравии, Египте или Сирии.

Общее же впечатление состоит в том, что позиция властных структур на Арабском Востоке по вопросу колеблется в узком спектре - от нейтрального до формального и даже попустительского в очень большом числе случаев. Это обстоятельство сохраняет поле борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях открытым на длительную перспективу.

Возможно, единственным на сегодня ускорителем очищения арабских обществ от коррупционного налета может стать цифровизация. Она имеет видимые успехи в аравийских монархиях, и их лучшее положение в соответствующих рейтингах может быть в немалой части отнесено на счет создания в них широкополосной связи, е-правительства, цифровых платформ, финтех-индустрии, которые, по определению, сужают сферу противоправной финансовой деятельности. Переход хотя бы части арабского мира на инновационные методы борьбы с коррупцией может существенно изменить негативные прогнозы и улучшить показатели зачистки ее очагов.

Однако такой подход не следует абсолютизировать. Необходимо проявить еще и политическую волю, опора на которую может принести более серьезные доказательства того, что арабский мир реально выступает против коррупции.

REFERENCES

1. Touq Muhiedeen, Al-Nouaidy Abdelaziz. Political, Economic and Social Contexts. EU, 2016, p. 7.
2. Alija Abdalhadi. Arab Barometer. Qantara de. Why are most arabs so prepared to trust the military. <https://www.arabbarometer.org/media-news/why-are-most-arabs-so-prepared-to-trust-the-military?page=0%2C1> (accessed 20.11.2020)
3. Брандолино Дж., Луна Д. Противодействие коррупции с помощью международных договоров и обязательств. Действующие международные соглашения и инициативы. *Журнальный клуб Интелрос (eJournal USA)*. 2006, № 12. <http://www.intelros.ru/readroom/ejournal-usa/tom-11-vipusk-12-2006/8428-protivodejstvie-korruptcii-s-pomoshyu-mezhdunarodnyh-dogovorov-i-obyazatelstv.html> (accessed 27.11.2020)
- John Brandolino, David Luna. Combating corruption through international treaties and obligations. Existing international agreements and initiatives. *Intelros. eJournal USA*. № 12 (In Russ.). <http://www.intelros.ru/readroom/ejournal-usa/tom-11-vipusk-12-2006/8428-protivodejstvie-korruptcii-s-pomoshyu-mezhdunarodnyh-dogovorov-i-obyazatelstv.html> (accessed 27.11.2020)
4. Подробнее см.: Basel Institute on Governance. *Anti Corruption and Integrity in the Arab Countries-Phase II*. Year 2014. 07.05.2020. <https://baselgovernance.org/b20-collective-action-hub/initiatives-database/anti-corruption-and-integrity-arab-countries-phase> (accessed 17.11.2020); Basel Institute on Governance. Anti Corruption and Integrity in the Arab Countries (ACIAC). 13.05.2020. <https://baselgovernance.org/b20-collective-action-hub/initiatives-database/anti-corruption-and-integrity-arab-countries-aciac> (accessed 17.11.2020); Regional Non Arab-European Anti-Fraud Office. Regional Project on Anti-Corruption and Integrity in the Arab Countries (ACIAC) Anti-Corruption: Stakeholders. https://www.pogar.org/resources/ac/stakeholders_sh_3.html (accessed 18.3.2021)
5. Regional Project on Anti-Corruption and Integrity in the Arab Countries. Anti-Corruption: Legal Compendium. <https://www.undp-aciac.org/resources/ac/legal.aspx?lc=8> (accessed 09.03.2020)
6. POGAR Anti-Corruption. Latest Activities. Transparency and Accountability: Anti-Corruption. <https://pogar.org/governance/anticorruption.html> (accessed 09.02.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филоник Александр Оскарович кандидат экономических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Alexander O. Filonik, PhD (Economy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Батурина Вера Николаевна, преподаватель, Московский информационно-технологический университет. Москва, Россия.

Vera N. Baturina, Lecturer, Moscow Information Technology University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
03.03.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.04.2021